

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

26 октября 2016 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН был проведен «круглый стол», организованный Центром по изучению «холодной войны» ИВИ РАН, на тему «Процесс окончания “холодной войны”: дискуссии, факты, уроки». Учитывая осложнение отношений России со странами Запада, прежде всего, с США, в мире активизировались дебаты о новой «холодной войне». В связи с этим на обсуждение выносились следующие вопросы: «окончилась ли “холодная война”?»; «периодизация и причины окончания “холодной войны”?»; «наследие “холодной войны” и современные международные отношения». Однако в ходе дискуссии диапазон затронутых тем был значительно расширен.

На «круглом столе» выступили: заведующая Центром по изучению «холодной войны» ИВИ РАН д.и.н. Н. И. Егорова; заместитель директора Института США и Канады РАН член-корр. РАН В. А. Кременюк; доктора исторических наук А. М. Филитов, В. Л. Мальков, А. А. Улуян (все — ИВИ РАН); кандидаты исторических наук А. С. Стыкалин (Институт Славяноведения РАН), А. Салаконе (Восточный Университет Неаполя, Италия), И. А. Агеева, А. А. Комаров, Е. А. Осипов, Г. Е. Гиголаев (все — ИВИ РАН); д.и.н. Г. Н. Канинская (зав. кафедрой всеобщей истории исторического факультета Ярославского госуниверситета — ЯрГУ); С. Ю. Козлова (ЯрГУ); к.и.н. О. Н. Шанина (Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области); А. А. Крицкий (ИВИ РАН).

Публикуемые материалы подготовлены Н. И. Егоровой.

Н. И. Егорова, открывая заседание «круглого стола», подчеркнула, что по ее мнению, нет необходимости подробно говорить о том, почему тематика «холодной войны» продолжает оставаться актуальной. Речь идет не только о дебатах о новой «холодной войне». Российские средства массовой информации (СМИ) оперативно реагировали на юбилейные даты «холодной войны», пришедшиеся на 2016 г. — речь У. Черчилля в Фултоне, 1946 г.; Суэцкий и Венгерский кризисы 1956 г.; сооружение Берлинской стены в 1961 г.; встреча президента США Р. Рейгана и главы СССР М. С. Горбачева в Рейкьявике в 1986 г.; окончание «холодной войны» в 1991 г.

В научной среде появляются все новые публикации по истории «холодной войны», учитывающие рассекреченные архивные документы. Большой резонанс вызвал выход в свет документального трехтомника «Л. И. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи». За рубежом продолжают функционировать научные центры по изучению «холодной войны». Существовавший ранее проект по истории «холодной войны» в Лондонской школе экономики объединился с семинаром по изучению современной международной истории в Сьянс По (Париж); в их совместных заседаниях большую часть занимают проблемы «холодной войны».

В начале октября 2016 г. этот объединенный проект провел семинар, на котором был заслушан доклад директора английской части проекта профессора М. Кокса «Переосмысливая конец “холодной войны”», в котором был сделан акцент на современных дискуссиях. Кокс отметил, что несмотря на прошедшую четверть века с момента окончания «холодной войны», все, кто интересуется ее историей, не перестают удивляться тому, как именно закончилось «холодная война». Кокс задается вопросом, почему никто не предвидел, что она так быстро закончится?

Еще один дискуссионный вопрос, по мнению Кокса, который интересует современных специалистов, касается выяснения сути «холодной войны». И наконец, еще один общий вопрос — что же нового можно сказать про «холодную войну», что нам о ней до сих пор не известно? Докладчик резюмировал, что к 2016 г. исследователи достигли конца пути, или же близки к этому, изучая проблему конца «холодной войны». Но современная историография и политические дебаты о скатывании к новой «холодной войне» или же о том, что она не прекращалась, или, что уже началась, показывают, насколько историки все еще далеки от завершения изучения феномена «холодной войны» и ее окончания.

19 октября 2016 г., в рамках сотрудничества проекта Лондонской школы экономики с сетевым проектом по изучению культуры в годы «холодной войны» университета Шеффилда (Великобритания), продолжилось обсуждение темы о переосмыслении «холодной войны». Внимание было сосредоточено на том, как СМИ в годы «холодной войны» создавали коллективные представления о возможности ядерной войны: исследователи пытались понять взаимосвязь «холодной войны» и ядерного оружия.

Н. И. Егорова отметила, что на сегодняшний день в академической среде, несмотря на продолжающиеся дискуссии, превалирует точка зрения, что глобальная «холодная война» между двумя противоположными социально-политическими и экономическими системами закончилась. Если же экстраполировать оценки прошлого на современную ситуацию, то обострение взаимоотношений России и Запада порождает в политических кругах и СМИ противоположные точки зрения. На Мюнхенской конференции по безопасности в 2016 г. премьер-министр России Д. А. Медведев утверждал, что мы по сути скатились во времена «холодной войны». В заявлениях министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова нет подобных утверждений, хотя взаимоотношения России и США сравниваются с их обострением во время «холодной войны».

Если углубиться в анализ всех высказываний ученых, политиков, прессы относительно окончания «холодной войны», то их объединяет констатация факта наличия в современном мире противостояния между Россией и странами Запада. Тем не менее, те кто не согласен с тезисом о новой «холодной войне», подчеркивают, что современное противоборство имеет другую природу: нет социалистической системы; отсутствует острая идеологическая борьба в сфере международных отношений; в них доминирует конкуренция геополитических и геоэкономических интересов государств, принадлежащих к общей капиталистической системе. В то же время невозможно отрицать влияние на современные международные отношения наследия «холодной войны». В частности, сохранение ее стереотипов в политическом и общественном сознании, наличие наибольших ядерных арсеналов у России и США, опасность распространения ядерного оружия в условиях постепенного прекращения подписания новых договоров о сокращении ядерных вооружений. В целом же после окончания классической «холодной войны» современный мир не стал безопаснее.

В. А. Кременюк сосредоточил внимание не только на проблеме «холодной войны», но и на сложности нынешнего состояния взаимоотношений России и стран Запада. По его мнению, «холодная война», которую мы знаем и изучаем, является отступлением от «нормы» международных отношений. Если обратиться к оценкам «холодной войны» в выступлениях политиков, можно привести заявление президента США Дж. Буша на встрече с советским лидером М. С. Горбачевым на Мальте в 1989 г.: американский президент определил международные отношения как мир двух сверхдержав. Тем не менее прошлая система международных отношений характеризовалась сбалансированностью. Современные же международные отношения отличается от прошлых отсутствие регулирующих их правил; это — «смещающаяся» система международных отношений. Даже США, позиционирующие себя как единственная сверхдержава, с этой ролью не могут справиться самостоятельно. Например, попытки США создать евро-атлантическую систему отношений, натолкнулись на британский «брексит». Почему Россия воспринимается американцами как помеха? Если согласиться, что «холодная война» сохранилась в качестве определенного типа взаимоотношений

великих держав на международной арене, то какой тип «холодной войны» мы сейчас наблюдаем? Победа США в «холодной войне» привела к тому, чего никто не ожидал. При этом развал СССР нельзя считать геополитической катастрофой. Считалось, что будет создана система консультаций, но этого не произошло. Ситуация, сложившаяся в мире после окончания «холодной войны», к настоящему времени с трудом поддается управлению. Суть «старой» «холодной войны» — это противостояние двух сверхдержав, т.е. США и СССР. Но они контролировали ситуацию в международных отношениях. На протяжении 40 лет удалось уберечь международную систему от развала, консолидировать ее, найти точки соприкосновения. С кем сейчас строить международные отношения? К сожалению, сотрудничества США и России на доверительном уровне не получается. Остается путь выстраивания собственной системы; американцы пытаются играть собственную игру, без оглядки на Россию. Что касается России, то в настоящее время она консолидирована, проводит внешнюю политику, отвечающую ее национальным интересам. Но насколько это отвечает представлениям Запада? Может ли России помочь в проведении политики ее обладание ядерным оружием, в то время как США уже владеют новым высокоточным оружием? В целом у США пока отсутствует интерес к налаживанию отношений с Россией, хотя единого политического фронта относительно взаимоотношений с Россией в США не существует. В то же время у Америки не наблюдается и зрелого понимания ее собственного места в современном мире, что ей надлежит предпринять. В то время, как возможно было бы продолжать контакты США с Россией по решению Афганского и Сирийского вопросов.

В ходе дискуссии В. А. Кременюк еще раз высказал свою точку зрения, что в годы «холодной войны» существовала специфическая система международных отношений, при которой противоборствующие стороны могли договориться. Сейчас же «холодная война» продолжается, но в иной форме; при этом создается угроза дезинтеграции системы международных отношений. Необходимо создать новую международную систему, где США не изображали бы из себя «новый» полюс и попытались бы прислушаться к предложениям России по решению конфликтов (в частности на Украине). Поскольку, в широком смысле этого слова, Россия — защитник славянских народов.

А. М. Филитов. Ответ на вопрос о том, применимо или нет понятие «холодной войны» к современному состоянию международных отношений, зависит в значительной степени от определения этого понятия. Из последних попыток такого рода можно привести развернутое высказывание британского историка Н. Фергюсона: «Это была гонка ядерных вооружений, которая не раз приводила на грань разрушительной термоядерной войны. Это было также соперничество в определенных сферах между двумя великими империями, американской и русской, каждая из которых посылала свои легионы по всему миру, притом, что они редко сталкивались друг с другом лоб в лоб. Это было соревнование между двумя экономическими системами капиталистической и социалистической, символом которого были “кухонные дебаты” между Никсоном и Хрущевым в 1959 г.». Речь идет об эпизоде, имевшем место во время посещения Н. С. Хрущевым и Р. Никсоном (в то время — вице-президентом США) американской выставки в Москве летом 1959 г. Демонстрируя советскому лидеру разного рода технические новшества в представленной в качестве экспоната «типичной» американской кухне, Никсон пытался таким образом убедить Хрущева в преимуществах западного образа жизни.

«Холодная война», как отмечает Фергюсон, — «это масштабная, порой смертельная “игра” разведок, гламурное описание которой содержится в романах Яна Флеминга, а более близкое к реальности — у Джона Ле Карре. Это была битва культур, в которой свою роль играли и многоречивые профессора, и гастролирующие джаз-оркестры, и балетные звезды-невозвращенцы. Однако, если смотреть в корень, то “холодная война” представляла собой борьбу двух соперничающих идеологий: теорий Просвещения, нашедших свое выражение в конституции США, и теорий Маркса и Ленина, которым следовали сменявшие друг друга советские лидеры. Только одна из этих идеологий была нацелена на такую борьбу, исходя из своих теоретических предпосылок.

И только одно из этих государств считало себя полностью свободным от соблюдения каких-либо правовых норм. Не в Вашингтоне, и тем более не в столицах западноевропейских государств-союзников США следует искать тех, кто ответственен за массовые человеческие жертвоприношения периода “холодной войны”¹.

Первое, что можно сказать по поводу новой характеристики понятия «холодной войны», — что оно далеко не новое. По сути речь идет об изложении взглядов, которые в 1946 г. отразил в своей «длинной телеграмме» тогдашний американский дипломат Дж. Кеннан и от которых тот же Дж. Кеннан-мемуарист решительно отмежевался два десятилетия спустя. Примерно в то же время в манифесте американских «новых левых» появилась иная, более близкая к реальности трактовка того, какая сторона с самого начала «была нацелена» на борьбу за глобальное первенство и какая просто оборонялась: «Америка хочет, чтобы миром управляли ее бизнесмены. ... Другие этого не хотят. На Востоке они взяли власть и сопротивляются». Отсюда — борьба Востока и Запада, в наше время получившая название «холодной войны». Что же касается приверженности правовым нормам и заповеди «не убий», то многочисленные примеры интервенций США — от свержения законного правительства в Иране в 1954 г. до войны во Вьетнаме 1964—1975 гг. — говорят сами за себя.

Тем не менее, если отвлечься от явно пристрастной позиции Фергюсона по вопросу ответственности за «холодную войну» и связанные с ней издержки, перечисление им отдельных аспектов проблемы характера «холодной войны» представляет определенный интерес с точки зрения выяснения вопроса, можно ли говорить о новой «холодной войне» в нынешних условиях. Начнем с последнего из названных Фергюсоном факторов — «идеологического». Как бы ни оценивать «теории Маркса и Ленина», вряд ли можно сказать, что ими руководствуется нынешнее руководство России. Идеологический фактор можно считать, таким образом, отпавшим, и соответствующие выводы — неактуальными. В этой обстановке появляются новые направления антироссийской пропаганды. Одним из ярких ее примеров можно считать появившийся на страницах авторитетного в ФРГ печатного органа — газеты «Франкфуртер альгемайне» материал с критикой вполне разумной идеи младших партнеров правящей коалиции — социал-демократов — использовать для разрядки нынешней напряженности в Европе опыт западногерманской «новой восточной политики» 70-х годов XX в. Автор утверждает: «Существенное различие между поздним Советским Союзом и путинским режимом состоит в том, что последний пытается не сохранить сферу (своего) влияния, а вновь отвоевать ее. Реваншизм, а не стабильность — такова ныне программа Кремля»². Статья вызвала многочисленные отклики читателей. Среди них были и такие, которые упрекали не только социал-демократов, но и канцлера А. Меркель за «мягкость» в отношении России (за то, в частности, что в свое время Украине было отказано в приеме в НАТО). Но не меньше было и критики по поводу конфронтационной политики ФРГ и США. Только два примера такого рода реакции: «Слишком упрощенно снова представлять Россию в качестве агрессора. Не русские нарушают покой перед своим порогом, а Запад — особенно наши заокеанские друзья, которые дестабилизируют государства у границ России и натравливают их против соседей — через НПО (неправительственные организации. — А.Ф.) и организуя прямые денежные потоки через свои спецслужбы»; «лагерь приверженцев “жесткой линии” попал в ловушку — как в свое время с доктриной Хальштейна»³. Выставили максимальные требования (“Ассад должен уйти...”, “Вернуть Крым”, Украина станет “когда-нибудь членом НАТО”), которые не выполнимы и которые Москва (и Пекин с Тегераном) не

¹ *Ferguson N. Kissinger: 1923–1968. The Idealist. New York, 2015, p. 21–22.*

² *Veser R. Sozialdemokraten und Russland. Falsche Russland-Politik. — Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.X.2016.*

³ Согласно этой доктрине, выдвинутой в 1955 г. при канцлере К. Аденауэре, ФРГ угрожала разрывом отношений любой стране, которая признала бы другое германское государство — ГДР. Эта доктрина рухнула с началом «новой восточной политики» правительства Брандта—Шееля.

могут принять и не примут. Опасно то, что ситуация развивается вне жестких рамок, характерных для “холодной войны”, и конфигурация блоков гораздо менее ясная. Неустойчивая ситуация еще будет продолжаться, видимо, какое-то время, и есть риск эскалации». Кстати сказать, автор той статьи, которая вызвала столь бурную общественную дискуссию в ФРГ, сочувственно процитировал слова министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера: «Иллюзией было бы считать, что речь идет о старой “холодной войне”. Новые времена — иные, они опаснее». Можно говорить о новой «идеологизации» в международной жизни, но она исходит явно не с российской стороны.

Вернемся к тем критериям понятия «холодной войны», которые предлагает Фергюсон. Что касается приведенных им примеров «битвы культур», то речь идет скорее об использовании культуры и деятелей культуры для целей пропаганды, причем, что характерно, западной пропаганды против СССР. Пропаганда эта, надо сказать, оказалась довольно успешной, но, с нашей точки зрения, она, обслуживая политику «холодной войны», сама же по себе признаком «холодной войны» не являлась. И если ныне с российской стороны, никак не ограничивая проникновение западных идей, стремятся более эффективно, чем это было в советские времена, донести до общественности Запада собственные идеи и оценки (например, через такой орган СМИ, как «Russia Today»), то это никак нельзя считать возвращением к практикам «холодной войны». Точно так же нельзя подводить под понятие «холодной войны» и то, что определяется как «игра» разведок. Во всяком случае «смертельной» ее ныне, насколько об этом может судить непрофессионал, назвать нельзя. Неактуален и тезис о «соревновании экономических систем», хотя этот феномен возник раньше начала «холодной войны» и по существу не связан с ней.

Самый главный признак и сущностный элемент «холодной войны» — это гонка ядерных вооружений и соответствующие угрозы для самого существования человечества. Поставив этот фактор на первое место в своей характеристике рассматриваемого понятия, Фергюсон проявил себя как подлинный историк, отступив затем, к сожалению, на позицию примитивного пропагандиста. Между тем здесь как раз ключ к оценке современной международной обстановки: ныне две державы, располагающие основными арсеналами этих вооружений, все же придерживаются ограничений, взятых ими на себя в период окончания «холодной войны» и сделавших возможным это окончание. Есть, к сожалению, и симптомы того, что эти самоограничения будут отринуты (именно так можно расценивать выход США из договора по ПРО). Каков же оптимальный образ для определения специфики современного этапа международного развития? Один из самых авторитетных исследователей истории «холодной войны», немецкий историк В. Лот в свое время использовал для характеристики различных режимов международной обстановки аналогию с физическим феноменом — изменениями в агрегатном состоянии воды от твердого к газообразному. «Холодная война» в рамках этой аналогии понималась как континуум от нуля градусов Цельсия (температура таяния льда, переходная точка от стабильного, «твердого» мирного порядка к нестабильному, текучему, «жидкому» состоянию) до 100 градусов, когда вода превращается в пар (яркий образ термоядерной войны). С этой точки зрения, мы находимся ныне где-то в диапазоне минус 1 — плюс 1 градусов: это далеко от тотальной войны и даже еще не «холодная война», но обстановка довольно неприятная, чреватая простудами и эпидемиями. Можно это назвать «слякотным миром». Выход, очевидно, не в дрейфе к новой «холодной войне», а в поисках стабильности на путях учета взаимных интересов и сохранения стратегического паритета. Примерно такие рекомендации для политиков выдвигает американский политолог Р. Легвольд, хотя трудно согласиться с мыслью, выраженной в названии его книги: «Возращение к “холодной войне”»⁴. Нынешняя ситуация в мире, действительно, достаточно напряженная,

⁴ Legwold R. Return to Cold War. Malden, 2016.

возможно, даже более опасная, чем в период классической «холодной войны» (если речь идет о ее нисходящей фазе, примерно после второго Берлинского и Кубинского кризисов), но, повторим, все же это уже и еще не «холодная война».

В. Л. Мальков. Вопрос закончилась ли «холодная война» — правомерен. Но в нем кроется недопонимание исторической вариативности любого эпохального явления, подверженность развития человеческой цивилизации изменениям, внешним и внутренним превращениям (чаще всего внезапным и неуправляемым). Нельзя не видеть и фактор скрытого, «утробного» накопления кинетической энергии взаимной неприязни с ее долгим течением турбулентности, когда, возможно, как говорил немецкий философ К. Ясперс, все может рухнуть в любой момент. В политической истории, утверждал Ясперс во многих работах, навеванных картинами послевоенного мира, редко просматривается разумное, рациональное начало. Весьма возможно, что все сущее и простое правильно, объяснимо и понятно, с логической точки зрения. Но при осуществлении внешней политики в реальной жизни преобладает (а это было всегда, хотя и в разных формах и под разными именами) фанатизм националистического, религиозного или идеологического толка. Подобие разумной политики можно проводить лишь в том случае, если складывается благоприятное состояние дел, а в расчет принимаются реальные факты. История свидетельствует, что в обществе преобладает антиразум, востребован хаос, хотя ему противостоят мораль, проповеди церкви, правовые учреждения, оборонительные блоки и тайные союзы. Наконец, существует всевидящее око средств массовой информации, способных объяснить, предупредить и, разумеется, научить искусству миротворчества. Но ничего подобного не происходит. Кто будет отрицать, что Вторая мировая война не могла не быть, что она была мотивирована своей прямой предшественницей — Первой мировой, что каждый шаг к последней черте нес с собой все признаки близкого безумия. Все всё это видели и тем не менее согласились с роковыми решениями.

Только страх перед повторением окопной жизни, пожарами и разрушениями, перемещениями огромных масс мирного населения, голодом, холодом, газовыми атаками замедлял это скатывание к только что пережитому и совсем еще не забытому безумию после клятв о вечном мире. Этот страх перед новой всемирной катастрофой обеспечил короткую паузу, когда все понимали (одни лучше, другие хуже), что снятие избыточного напряжения в межгосударственных отношениях после Версальского мира вообще и особого рода неоформленного конфликта между США и СССР, в частности, произошло благодаря временному стечению благоприятных обстоятельств. В Америке это время протекало под знаком Великой депрессии. В дополнение к этому возникшая угроза фашизма и проблема Дальнего Востока заставили президента США Ф. Рузвельта фактически в одиночку и без одобрения ближайшего окружения признать Советский Союз, выступить с критикой изоляционизма, а затем, держась на дистанции, выжидать, когда в СССР диктатура Сталина позволит сменить себя подобием февральского режима 1917 г. Почитайте Рузвельта, Черчилля, Кеннана и Киссинджера, и вы увидите, что никто из них не рассчитывал на длительное сохранение «нормальности» в мире в межвоенный период. Сильнее всего давала себя знать политика «сдерживания» Советского Союза в ее крайне недружественном, а порой и агрессивном к нему виде. Со своей стороны Москва платила Западу примерно тем же. «Изоляция России», — писал 4 апреля 1938 г. из Москвы в телеграмме в Белый Дом посол США в СССР Дж. Дэвис, — возможно опаснее всего для демократий Европы, а не для Советского Союза⁵.

Не только и даже не столько идеологические разногласия, сколько, условно говоря, статусный, культурологический (в широком понимании этого термина С. Хантингтоном) советско-американский конфликт, ставший базовым, властно вторгся во все прочие области взаимоотношений, содействуя накоплению противоречий, ярко

⁵ *Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York, PPF Folder 1381. Joseph E. Davis to Marvin H. McIntyre. 4.IV.1938.*

проявивших себя сразу же после Второй мировой войны, тесня элементарный здравый смысл и рассудительность. В порядке иллюстрации позволю себе напомнить высказывание президента Т. Рузвельта, выступившего посредником в русско-японском конфликте 1904–1905 гг. и переговорах в Портсмуте, который говорил, что он добивается устранения как «желтой, так и славянской угрозы»⁶. Чем-то эти отношения напоминают сегодня связь между американским «внутренним Городом», населенным бедным и этнически пестрым людом, и богатым предместьем урбанизированной Америки. Один народ, одна судьба, но разница во всем остальном. Найти компромисс оказывается все труднее. Поэтому Э. Хемингуэй, прошедший три войны, как свидетельствует К. М. Симонов, находившийся в переписке с великим писателем, связывал прочной нитью иностранную интервенцию против Советской России в 1918–1919 гг. с Америкой весны 1946 г., когда была развязана «холодная война», невзирая на идущий Нюрнбергский процесс и почти пятилетние союзнические отношения Англии, США и Советского Союза⁷. Все оказалось слишком хрупким.

Можно ли с безоговорочной уверенностью говорить о конце «холодной войны», принимая во внимание сложный исторический контекст, в котором происходят стремительные перемены и неожиданные открытия, не несущие, увы, как правило, ничего хорошего. В связи с этим я хотел бы напомнить слова Дж. Кеннана из его статьи 1982 г.: «Поглощенность планами ядерной войны является разновидностью заболевания, которое можно понять только как некую форму подсознательного расстройства»⁸.

А. А. Улунян. Концептуализация понятия «холодная война» прошла в своем развитии с начала 90-х годов XX в. до сегодняшнего дня несколько этапов. На каждом из них, когда обострялись отношения Российской Федерации со странами демократического мира, актуализировалась тема незавершенности «холодной войны» как явления международной жизни. Конфронтацию между Западным и Восточным блоками в 1945–1991 гг. экстраполировали на ситуацию, складывавшуюся в системе международных отношений в современных условиях. С одной стороны, эти попытки предпринимались для демонстрации остроты противоречий; с другой, для легитимации в пропагандистском отношении конструкта «осажденной крепости» для внутреннего пользования, и в ряде случаев для внешнеполитической аудитории. Примечательным и симптоматичным в данном контексте являлось обращение к таким ретроконцептам устройства мировой системы международных отношений, которые легитимировали в явно реинтерпретируемом виде понятие суверенитета, как это было с актуализацией Вестфальской системы, разделением мира на сферы влияния и военно-политические блоки (пример Ялтинско-Потсдамской системы) и формированием легитимистско-идеологических межгосударственных союзов, противостоящих поступательным историческим изменениям («Священный союз»). Таким образом, концепция «холодной войны» вырывалась из исторического контекста и превращалась в «матрично-символическую», позволяющую использовать ее в конъюнктурных внешне- и внутриполитических целях. В то же время, последовавшие после окончания «холодной войны» геополитические изменения, приведшие как к крушению обанкротившейся общественно-политической системы, так и порожденные ею государственные образования и межгосударственные союзы, поставили на повестку дня проблему определения места и роли географических регионов в зарождении и развитии «холодной войны». В этой связи в национальных историографиях и на международном политическом уровне получил развитие процесс формулирования «новых» географических реалий, сочетающих историческую традицию с попытками элиминировать в региональной и мировой «политической памяти» конфликтогенный характер отдельных европейских географических областей. Примером такого подхода стало появление

⁶ *Bailey Th. A. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Days.* Ithaca, 1950, p. 202, 203.

⁷ *Симонов К. Сегодня и давно.* М., 1974, с. 113.

⁸ *Dallek R. The American Style of Foreign Policy.* New York, 1983, p. XII.

и активное использование новых или модернизированных географических понятий. К их числу относится появление понятия «Западные Балканы», актуализация существовавшего ранее географического термина «Юго-Восточная Европа», получающего все большее распространение обозначения «Центрально-Восточная Европа». Таким образом, именно окончание «холодной войны», а не ее продолжение, стало инициирующим моментом в появлении образов «новой политической географии».

А. С. Стыкалин. Предложил сосредоточиться на критериях окончания классической «холодной войны». Он согласен с А. М. Филитовым в том, что главным проявлением «холодной войны» была гонка вооружений, вместе с тем стоит указать и на геополитические аспекты ее завершения. Фактически «холодная война» в ее классическом виде не могла не завершиться с разрушением биполярной Ялтинско-Потсдамской системы в результате падения Берлинской стены, объединения Германии и прихода к власти в странах Восточной Европы некоммунистических сил прозападной ориентации. Говоря о критериях завершенности классической «холодной войны», необходимо иметь в виду также изменение методов внешней политики СССР, направленных на удержание Восточной Европы в советской «сфере влияния». Программный характер имел документ, принятый вскоре после «бархатной революции» в Чехословакии и сразу после возвращения М. С. Горбачева с Мальты, где 2–3 декабря 1989 г. состоялась его историческая встреча с Дж. Бушем-старшим, на которой и было торжественно провозглашено окончание «холодной войны». Не только новое правительство ЧССР, но и обновленное руководство КПЧ высказалось за скорейшую переоценку отношения к вводу войск 5 стран-членов ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 г. «Правда» напечатала заявление правительства СССР: «Мы разделяем точку зрения Президиума ЦК КПЧ и Правительства ЧССР о том, что вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным»⁹. 5 декабря 1989 г. было опубликовано совместное заявление лидеров всех стран ОВД, принявших в августе 1968 г. участие в интервенции в Чехословакию, в котором отмечалось, что ввод войск в Чехословакию явился незаконным вмешательством в ее внутренние дела и должен быть осужден¹⁰.

Новая советская позиция, свидетельствовавшая об отказе от так называемой «доктрины Брежнева», прозвучала и с трибуны партийного форума. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М. С. Горбачев, в частности, сказал: «Советский Союз строит свои отношения со странами Восточной Европы и с теми, кто давно проводит преобразования, и с теми, кто только что вступил на этот путь, и с теми, кто еще не сделал этого, с единых позиций — позиций уважения суверенитета, невмешательства, признания свободы выбора. Мы исходим из того, что каждый народ вправе решать свою судьбу самостоятельно, включая выбор строя, путей, темпов и методов его эволюции»¹¹. Интересно, однако, что в администрации США в новых условиях считали приемлемым использование советской политикой прежних силовых методов, если это будет способствовать коренным переменам в Восточной Европе. Показательно, что 24 декабря 1989 г. вопрос о возможном применении Советским Союзом, теперь уже с одобрения США, «доктрины Брежнева» в целях оказания помощи силам, выступившим в Румынии против Чаушеску, был в осторожной форме поднят послом США в СССР Дж. Мэтлоком в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР И. П. Абоимовым. В записке, подготовленной по итогам беседы, советский функционер написал: «На этот зондаж американца дал ответ совершенно четкий и недвусмысленный, изложив нашу принципиальную позицию. Заявил, что такой сценарий нами не рассматривался даже теоретически. Мы против любого вмешательства во внутренние дела

⁹ Правда, 5.XII.1989 г.

¹⁰ См. также записку Э. А. Шеварднадзе и А. Н. Яковлева и постановление Политбюро ЦК КПСС «О пересмотре оценки ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г.». — Российский государственный архив новейшей истории, ф. 3, оп. 103, д. 191, л. 21, 112.

¹¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9.XII.1989 г. М., 1989, с. 19.

других государств и намерены твердо и неуклонно следовать этой позиции. Так что американская сторона может считать, что “доктрину Брежнева” мы подарили ей»¹². Если и можно говорить сегодня о возвращении в арсенал современной российской политики некоторых из методов, отождествляемых с так называемой доктриной Брежнева, то это продукт иной ситуации и иного соотношения сил в мире. В то же время — это свидетельство полной растраты за прошедшую четверть века того капитала взаимного доверия между СССР (а также его правопреемницей Россией) и Западом, который удалось накопить (правда, в большей мере за счет компромиссов советской стороны) в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

А. Салаконе. Сегодня в газетах, журналах, во время дебатов много говорится о новой «холодной войне». Мне кажется, что использование этого термина не подходит для описания современных событий, хотя отношения между США и Россией, действительно, очень напряженные. Вот несколько главных причин, обосновывающих мою точку зрения. Во время «холодной войны» мир был «более понятным и простым», четко разделенным на два основных идеологических блока. Было достаточно легко идентифицировать себя с «добром» или со «злом». Мир сегодня более сложный: в нем нет борьбы идеологий, есть множество экономических и финансовых интересов, которые, с одной стороны, объединяют страны и регионы, а с другой — их сильно разделяют. Религиозный фактор, в отличие от прошлого, играет важную роль. Во время «холодной войны» мир был более «мирным»: уровень конфронтации являлся очень высоким, но рычаги власти находились в руках двух сверхдержав. Равновесие силы препятствовало ее эскалации. Сегодня политическая и военная власть в мире полицентричны: не только два центра диктуют повестку дня. Маленькие группировки могут влиять на мировую политику: терроризм — это только самый яркий пример сложной и разносторонней картины мира. Во время «холодной войны» те из геополитических акторов, которые ныне продемонстрировали свою значимость, играли второстепенную роль. Это азиатские державы (прежде всего, Китай), некоторые страны Африки и Латинской Америки. Сегодня во всем мире заметен новый рост популизма, национализма и этнических факторов, которые во время «холодной войны», конечно, существовали, но в основном служили интересам двух блоков. В четко разделенном мире «холодной войны» потребность сверхдержав в союзниках в своей борьбе за превосходство давала возможность второстепенным странам биполярного мира проявить себя в качестве переговорщиков. Италия, например, с середины 1950-х годов стала проводить внешнюю политику, направленную на «налаживание мостов» между противоборствующими блоками, таким образом, приобретая больший авторитет среди других «средних» держав. Сегодня ситуация изменилась, роль «строителей мостов» стала менее востребованной в международной политике, хотя она по-прежнему необходима. Тем более, что политика, проводимая различными государствами, не отличается дальновидностью и в основном отвечает проблемам сегодняшнего дня, разрабатывая перспективы максимум до следующих выборов.

И. А. Аггеева согласилась с мнением, что «холодная война» представляла собой особый исторический период международных отношений и отличалась базовыми характеристиками, исчезнувшими вместе с крушением Советского Союза. Это было не просто противостояние, или конкуренция двух сверхдержав, СССР и США, или групп государств, объединенных в военно-политические блоки. В «холодной войне» противостояли друг другу два мира, две противоположные социально-экономические системы и способы производства, что сопровождалось грандиозной идеологической борьбой. Стороны могли договориться и договаривались по политическим, военным, экономическим вопросам, но в вопросах идеологии компромиссы были невозможны. СССР, «государство нового типа», выступал оплотом мирового коммунизма, одной из величайших в истории идеологий, и сразу после окончания Второй мировой войны

¹² Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб., 2013, т. II, с. 554.

обладал большим потенциалом «мягкой силы». Потребовались десятки лет и немало событий, таких, как разоблачение культа личности Сталина, интервенции в Венгрии и Чехословакии, репрессии, подавление инакомыслия и т.д., чтобы этот потенциал иссяк. Идеологические основы советской внешней политики хорошо известны: это пролетарский интернационализм как «высшее достижение во внешнеполитической деятельности социалистических государств», понимание мирного сосуществования государств как формы классовой борьбы на определенном этапе мирового развития. Разрядка 1970-х годов не распространялась на идеологическую сферу. В разгар европейского процесса за безопасность и сотрудничество советские идеологи продолжали выступать с позиций классовой солидарности. Ясно, открыто, вне дипломатических ограничений советские идеологи указывали на идеологический фронт как главный на этапе мирного сосуществования государств с различным социальным строем, «объективную необходимость» на пути к революционному свержению капитализма. После Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., на XXV съезде КПСС, на берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г., на закрытых встречах кремлевских идеологов с лидерами зарубежных компартий обсуждались пути прихода коммунистов к власти и тактика в отношении национальных правительств, звучали заверения в том, что СССР никогда не отступает от принципиальных идеологических установок, от революционной перспективы. Известны усилия другой сверхдержавы, США, по «сдерживанию» и «отбрасыванию» коммунизма. Так что в исторической «холодной войне» ее главные антагонисты, Советский Союз и США, никогда не изменяли стратегической цели одержать верх над противником. Особые черты классической «холодной войны» утрачены вместе с исчезновением Советского Союза. Вместе с тем в современной международной обстановке, с новыми вызовами международному праву, угрозами терроризма, милитаризацией и т.д. есть все основания говорить о параллелях, отголосках, инерции и стереотипах, сформировавшихся в ходе завершившейся «холодной войны».

А.А. Комаров. Изменения на международной арене, происходящие в последнее время, активизировали риторику о возвращении «холодной войны». Активно преуспели в этом деле журналисты и политологи. Нередко подразумевается, что имеет место возвращение «холодной войны», которая закончилась с распадом СССР. Для противостояния этой тенденции перед историками, которые профессионально занимаются историей международных отношений, встает задача обоснования и активного внедрения в научный оборот термина классическая «холодная война». Разумеется, этот термин должен подразумевать «холодную войну», начавшуюся после Второй мировой войны, а окончание которой связано с распадом Советского Союза. О классической или исторической «холодной войне» говорила И.А. Аггеева. Использование научно обоснованной дефиниции классическая «холодная война» позволит противодействовать путанице, существующей ныне во многих СМИ. Я имею в виду некорректные аналогии между «холодной войной» времен существования биполярного мира и нынешними напряженными отношениями между Россией и Западом.

Если мы признаем, что состояний международных отношений с признаками «холодной войны» может быть больше одного, как может быть две мировые войны, то нам не понадобится искать начало «холодной войны» в далеко отстоящих от новейшего времени эпохах или описывать текущую международную напряженность, используя физическую теорию трех агрегатных состояний вещества.

Несколько слов о Северной Европе в период классической «холодной войны». Скандинавско-балтийский регион был тогда зоной относительного спокойствия, опиравшегося на «северный баланс», существовавший в рамках жесткой биполярной системы. «Северный баланс» сложился в результате сложения разнонаправленных внешнеполитических векторов северных стран: политики Паасикиви-Кекконена в Финляндии, активного нейтралитета Швеции и членства Норвегии и Дании в НАТО, но с провозглашением в рамках своего участия в блоке особой «базовой» и «ядерной» политики. После окончания «холодной войны» и становления однополярной системы

международных отношений ситуация в скандинавско-балтийском регионе претерпела серьезные изменения. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией от 6 апреля 1948 г. был денонсирован и заменен в 1992 г. Российско-финляндским договором о добрососедских отношениях. Швеция и Финляндия с 1995 г. являются членами Европейского Союза (ЕС). Швеция, став членом ЕС (организации с наднациональными органами) отказалась, таким образом, от своей традиционной политики нейтралитета. Бывшие республики Советской Прибалтики, ставшие независимыми государствами Балтии, сначала вступили в ЕС, а потом и в НАТО.

Никакого «стабилизирующего баланса» на Европейском Севере сейчас не наблюдается. Напротив, в Швеции и Финляндии идут активные дискуссии о возможности вступления этих стран в НАТО. Норвегия, вопреки «базовой» политике, разрешила США разместить на своей территории 330 американских солдат, что говорит об изменении прежнего политического курса. Из стран Балтии раздаются алармистские высказывания, нередко принадлежащие политикам высокого ранга. Отличие нынешней ситуации от той, что была в годы «холодной войны», заметны: по утверждению многих наблюдателей, она стала менее безопасной.

Е.А. Осипов. Современный этап в истории международных отношений нельзя называть новой «холодной войной» так же, как нельзя говорить и о продолжении «холодной войны». Сегодня нет идеологической борьбы, противостояния двух систем, совершенно другая роль в мире Китая. Сегодня скорее можно говорить о новом этапе в развитии процессов глобализации.

После распада биполярной системы международных отношений осмысление глобализации прошло несколько этапов. От оптимистического «конца истории» до скептического «конца цивилизаций» и, наконец, к идее трансформизма (Э. Гидденс, Д. Хэлд, Э. МакГрю, Д. Голдблат, Дж. Перрантон). Трансформисты рассматривают современный этап глобализации как сложный, многоуровневый и часто противоречивый процесс. В нем могут параллельно развиваться взаимоисключающие тенденции. Например, усиление роли государства в рыночной экономике и увеличение влияния транснациональных корпораций в мировой торговле. Главное, трансформисты считают, что в данный момент создается новая глобальная конструкция, контуры которой только предстоит определить. Для международных отношений это означает, что создается многополюсная система, в которой будут выработаны новые правила игры. Сегодняшнее обострение международной ситуации в таком случае не новый этап в «холодной войне», а конкуренция за позиции в будущей системе международных отношений.

Г. Е. Гиголаев поднял вопрос о взаимосвязи окончания «холодной войны» с изменениями в области международного морского права, в частности, с процессом ревизии Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Конвенция была принята в разгар «холодной войны» при активном возражении США, во главе которых тогда находилась администрация президента Р. Рейгана. Основное неприятие вызывала XI часть Конвенции, касавшаяся разработки ресурсов морского дна глубоководных районов Мирового океана, положения которой, как полагали США, были выгодны, прежде всего, развивающимся странам. Голоса развивающихся стран, к которым присоединились и социалистические страны во главе с СССР, обеспечили большинство для принятия проекта Конвенции. Поэтому для США Конвенция в том виде, в котором она была принята на III конференции ООН по морскому праву, означала еще и успех СССР. В итоге США не подписали Конвенцию. Изучая окончание «холодной войны», можно долго рассуждать о том, что в ней никто не проиграл. Но если анализировать итоги «холодной войны» в плане развития морского права, то они выглядят однозначно: как только произошло изменение соотношения сил на мировой арене, завершилась «холодная война»; СССР стал слабеть, началась ревизия XI части Конвенции. В 1990 г., еще до распада СССР, начались межправительственные консультации по этому вопросу. Как указывалось Генеральными секретарями ООН П. Де Куэльяром и Б. Гали,

в мире произошло изменение соотношения между государственным и частным, обладали рыночные принципы. Причиной ревизии Конвенции стал закат мировой социалистической системы. В итоге в 1994 г. XI часть Конвенции была пересмотрена в интересах США и других развитых западных стран. Резолюцией ГА ООН 48/263 от 28.07.1994 г. было принято соглашение об осуществлении XI части Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Были сняты вопросы об обязательных отчислениях в пользу Международного органа по морскому дну (которые должны были осуществляться, прежде всего, в интересах развивающихся стран) и об обязательной передаче технологий. Теперь речь шла о разумной коммерческой основе. Эта ревизия XI части Конвенции свидетельствовала не только о поражении социалистической системы и победе рыночной экономики, но и о том, что в условиях исчезновения биполярного мира развивающиеся страны утратили возможность лавирования между двумя главными центрами силы. Запад, во главе с США, оставшимися в роли единственной сверхдержавы, сумел навязать им свою волю. Пересмотр XI части Конвенции, инициированный США и их союзниками на фоне распада мировой социалистической системы, снял последние препятствия для участия США в Конвенции. Однако США так и не присоединились к ней, предпочитая не связывать себя участием в этом многостороннем документе и налагать на себя в обязательном порядке предусмотренные им ограничения.

Г. Н. Канинская обратилась к оценкам окончания «холодной войны» французскими учеными. Она отметила, что французские специалисты в большинстве своем сходятся в том, что «холодная война», которая началась вскоре после окончания Второй мировой войны, закончилась. Ж.-А. Суту в своей неоднократно переиздававшейся книге «История “холодной войны”», у которой в первом издании был подзаголовок «Пятидесятилетняя война в Европе», называет даже точную дату отсчета начала окончания «холодной войны»: 1–2 декабря 1989 г., встреча на Мальте М. С. Горбачева и Дж. Буша-старшего, когда советский руководитель согласился с тем, что США — имея в виду их присутствие в НАТО — останутся в Европе. Другой знаковой датой для Суту является 1990 г. Историк считает, что именно в этом году, после объединения Германии и подписания Европейской Хартии, «круг замкнулся», сложилось «европейское регулирование» на тех принципах, как это замыслилось в Потсдаме в 1945 г.: «единство, свобода, либерализм». 1990 г. Суту называет «пиком эйфории» окончания «холодной войны», ибо затем последовали события, дестабилизировавшие мир.

Как оценивают французские исследователи мир, сложившийся после окончания «холодной войны»? В этой связи хотелось бы упомянуть книгу «За новую историю международных отношений», вышедшую в 2012 г. под редакцией историка Р. Франка, главы которой писали, помимо Суту, неоднократно сотрудничавшие с отечественными специалистами коллеги М.-П. Рей и Ф. Бозо. Не вдаваясь детально в содержание глав, отметим, что их авторы единодушны в утверждении, что четкое противостояние по линии Восток–Запад периода «холодной войны» ушло в прошлое, а новый мировой порядок — это атмосфера «усиления международной напряженности», в которой просматриваются «отголоски идеологических и моральных кризисов, существовавших в 1970-е годы. Мир сейчас менее структурирован, чем в период биполярности: он не преодолел международных конфликтов и не пришел к безопасности». Бозо, например, провозглашает, что главная задача сегодня — это разработка стратегии обеспечения безопасности в мире, в то же время задается вопросом о возможности создания в современных условиях эффективной системы международной безопасности и сотрудничества в ядерной области.

С. Ю. Козлова проанализировала взгляды итальянских коммунистов на окончание «холодной войны». Их можно свести к четырем основным тезисам. Во-первых, окончание «холодной войны» — это процесс, который имел отправную точку в виде серии революций на Востоке Европы, кульминацию, проявившуюся в объединении Германии, и эпилог — распад Советского Союза. При этом подчеркивалось, что крах режимов на Востоке Европы и объединение Германии дали существенное ускорение

процессу становления европейского единства, прежде всего, экономического¹³. Окончание «холодной войны» — это возможность освобождения итальянцев от уз, которые биполярный порядок международных отношений навязывал всем европейским политическим субъектам, демократическим и недемократическим; крушение советской системы открыло эту возможность на Востоке¹⁴. Свободная Европа могла бы выступать как автономный субъект международных отношений, сбалансировать подавление со стороны США ее стремления к свободе действий и способствовать переходу Центральной и Восточной Европы, а также Советского Союза к рынку и демократии¹⁵.

Во-вторых, после событий 1989 г. коммунисты рассматривали окончание «холодной войны» как неизбежную перспективу, что уходило своими корнями в опыт еврокоммунизма. Однако коммунистов больше не привлекала идеологическая дискуссия о конце коммунизма¹⁶; они лишь подчеркивали, что история строительства советского коммунизма завершилась, произошел крах коммунистической системы.

В-третьих, окончание «холодной войны» открыло период турбулентности. Потребуется 10–20 лет для того, чтобы появилась новая система власти и международных отношений, основанная на доктрине компромисса. Окончание «холодной войны» обозначило начало переходного этапа международных отношений, а не начало этапа широкого сотрудничества, активного и абсолютного¹⁷. Будущее Европы связывалось с возникновением новых опасностей: разделения Европы, идеологического реваншизма в Восточной Европе, возрастающей отчужденности между богатыми и бедными странами. В центре внимания коммунистов оставалась проблема безопасности, которая с окончанием «холодной войны», по их мнению, более не являлась сугубо идеологической, а была, с одной стороны, политической и технологической, с другой стороны, была связана с наметившейся тенденцией заменить противостояние «Восток–Запад» на новое возможное противостояние между Севером и Югом¹⁸.

В-четвертых, высокая оценка роли М. С. Горбачева в процессе окончания «холодной войны». 27 декабря 1991 г. в «Уните» вышла статья под заголовком «Прощай, президент, мир тебя благодарит», в которой отмечалось, что дипломаты всего мира приветствовали отца перестройки, отводя ему почетное место в книгах по современной истории. Благодаря «революции Горбачева» закончилась эпоха «холодной войны», без него были немыслимы трансформации этих лет¹⁹, поскольку окончание «холодной войны» основывалось на победе демократии на Востоке и на переходе от тоталитаризма к плюрализму²⁰. «Холодная война» закончилась, так как Советский Союз более был не в состоянии представлять серьезную опасность для остального мира²¹.

О. Н. Шанина на основе архивных материалов Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области показала, как проявлялись в Ярославле процессы, вызванные окончанием «холодной войны». Ярославль в этом отношении представляет интерес, так как в конце 1980-х годов он вышел на передовые позиции в вопросах демократизации советского общества и влияния общественности на политические процессы в стране. В Ярославле 22 октября 1989 г. состоялся учредительный съезд Народного фронта РСФСР. Существовавшая в Ярославле общественно-политическая обстановка способствовала положительному изменению риторики, касавшейся отношений нашей страны с Западом.

¹³ L'Unità, 22.III.1991.

¹⁴ Там же, 22.II.1990.

¹⁵ Там же, 2.III.1991.

¹⁶ Там же, 4.IX.1991.

¹⁷ Там же, 1.II.1991.

¹⁸ Там же, 11.VII.1990.

¹⁹ Там же, 27.XII.1991.

²⁰ Там же, 20.XI.1990.

²¹ Там же, 25.V.1991.

Признаки окончания «холодной войны» для Ярославля проявились, во-первых, в росте числа посетивших город иностранных туристов, особенно из капиталистических стран. В 1985 г. Ярославскую область посетило 7070, в 1986 г. — 8163, в 1987 г. — 9696 чел. По мере ухудшения ситуации в странах Восточной Европы падал поток туристов из социалистического лагеря: 1986 г. — 3571, 1989 г. — 2523 чел. По мере улучшения отношений с Западом все больше туристов из капиталистических стран приезжали в Ярославль: 1986 г. — 4592, 1987 г. — 5950, 1989 г. — 6593 чел²². Интерес к Ярославской области со стороны иностранцев постоянно рос, но сдерживался низким уровнем сервиса.

Во-вторых, отмечалось повышение внимания западноевропейских журналистов к ситуации в Ярославской области. Во второй половине — конце 1980-х годов на Ярославской земле побывали представители газет «Морнинг Стар» (Великобритания), «Экспрессен» (Швеция); киносъёмочная группа «Канала-4» (Великобритания), снимавшая фильм о борьбе с ядерной угрозой; заведующий боннским отделением газеты «Райнпфальц»²³. Их приему в Ярославле придавалось большое значение; главная задача была — показать, что перестройка и гласность — это не временное явление, а целенаправленная политика по совершенствованию социалистического строя.

В-третьих, расширился список западных городов-побратимов, были установлены партнерские связи с США. Городом-побратимом Ярославля в 1988 г. стал Берлингтон (США). В 1986 г. Ярославль посетило рекордное, по сравнению с предыдущими годами, число американских туристов. По маршруту Москва — Ярославль — Углич — Москва путешествовали 1090 американцев. Кульминацией стал визит в Ярославль летом 1986 г. хора «С новой песней вместе» из Бостона (США). В связи с этим в центре Ярославля был устроен праздник мира «Мы верим в завтрашний день»²⁴. Ярославской киностудией «Юность» был создан фильм «Прощай оружие» и передан для демонстрации в США. В результате переговоров с организаторами телемостов также была одобрена идея телемоста Ярославль — Бостон.

Ярославским исполкомом городского Совета народных депутатов были установлены новые партнерские и побратимские связи: в 1988 г. с Касселем (ФРГ) и Берлингтоном (США), в 1989 г. — с Эксетером (Великобритания). С 1986 г. значительно активизировали свою работу городские отделения обществ дружбы «СССР — Финляндия», «СССР — Франция», были созданы отделения обществ «СССР — Португалия», «СССР — ФРГ». Учитывая небывалую доселе активизацию зарубежных связей, в 1987 г. секретарем Ярославского обкома КПСС И. А. Толстоуховым было направлено официальное письмо председателю президиума Союза Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) В. В. Терешковой с просьбой рассмотреть вопрос о создании в Ярославле отделения ССОД²⁵.

Вследствие политики перестройки «железный занавес» начал рушиться. В конце 1980-х годов произошло взаимное открытие Востоком и Западом друг друга на местном уровне: с одной стороны, ярославцами, как представителями СССР, с другой — западноевропейцами и американцами. Ростки этого процесса были заложены еще во время разрядки конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда произошло первое установление тесных контактов друг с другом на уровне городов-побратимов (Финляндия, Франция). В 1980-е годы этот процесс пошел форсированными темпами. Итогом стало превращение Ярославской области в субъект международных отношений, активного участника международного сотрудничества.

А. А. Крицкий подчеркнул важность изучения человеческого измерения истории «холодной войны» и ее наследия. «Холодная война», в конечном счете, была схваткой

²² Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (далее: ЦДНИ ГА ЯО), ф. 272, оп. 269, д. 2487, л. 5—6; там же, д. 2564, л. 24.

²³ Там же, ф. 272, оп. 269, д. 2485, л. 12—15; там же, л. 35—36; д. 2749, л. 41—44, 55—60.

²⁴ Там же, д. 2487, л. 3—4.

²⁵ Там же, д. 2486, л. 44.

за симпатии и умы людей по обе стороны «железного занавеса». В этой борьбе СССР тратил огромные ресурсы на поддержание и расширение круга своих сторонников по всему миру и, прежде всего, в странах Запада. Москва различными способами оказывала помощь многочисленным зарубежным группам и движениям, считавшихся советской стороной «прогрессивными»: это были прокоммунистические объединения, национально-освободительные, антивоенные, молодежные, женские, спортивные, эмигрантские организации. Советская сторона справедливо считала, что общественные связи — это мощный ресурс, с помощью которого возможно влиять на общественное мнение за рубежом, а также распространять советскую информационную и культурную продукцию, минуя информационную блокаду на официальном уровне. Одним из основных каналов репрезентации и коммуникации был ССОД. Несмотря на то, что по сути такие связи были частью советской пропаганды, за рубежом у Советского Союза, действительно, находились верные сторонники и почитатели, сохранившие свою приверженность советским идеалам даже после исчезновения социалистической системы и самого СССР.

«Холодная война» окончена, но она оставила после себя много памятников. Свообразным наследием этой эпохи является существующий по сей день в Канаде «Комитет солидарности с Советским народом», расположенный в Торонто. Костяк организации составляют несколько десятков человек, придерживающихся коммунистических взглядов, главным образом, из числа членов существовавшего до 1991 г. Общества дружбы «Канада — СССР». Его председатель М. Лукач — давний друг СССР, бессменно возглавлявший общество канадо-советской дружбы с 1972 г., — проделал огромную работу по продвижению позитивного образа СССР среди канадской общественности. Как говорит Лукач, «советский народ жив, пока жив последний советский человек». Для членов этой организации в Торонто проводятся лекции, кинопоказы советских фильмов, отмечаются важные даты из истории СССР. Комитет издает ежемесячный журнал «Компас — Полярная звезда», в котором публикуются аналитические статьи на актуальные темы, письма единомышленников, спустя четверть века после ухода Советского Союза с исторической сцены остающихся верными идеалам марксизма-ленинизма.

В целом материалы «круглого стола» отражают основные направления дискуссий, которые активно ведутся зарубежными и отечественными специалистами, как по все еще актуальному вопросу о сути «холодной войны», так и о степени влияния «холодной войны» (или ее наследия) на современные международные отношения. Дебаты продолжатся, прежде всего, по мере рассекречивания новых архивных документов, разработки новых методологических подходов. Дискуссии на эту тему связаны, не в последнюю очередь, и с политической атмосферой на международной арене.